

Г. И. Анохин

«СВЕКОЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ» В ДАНИИ

Самое «молодое» из пришлых национальных меньшинств Северной Европы, появившихся там до XX в., — поляки, или так называемые «свекольские поляки». Они представляют интерес и как единственное в современной Дании славянское меньшинство, и как первые осевшие на этих землях и еще не вполне ассимилированные предшественники той мощной волны иностранных рабочих, которая хлынула в Скандинавию после второй мировой войны, поскольку там возникла острая нужда в дешевой неквалифицированной рабочей силе. Этой волне в 1970-х годах был дан сигнал «Стоп!», когда она заполнила все вакансии.

Но волна не отхлынула из Скандинавии, а растеклась здесь, создавая, подобно пришлым давним «свекольским полякам», новые национальные меньшинства.

«Свекольские поляки» тоже не были первыми в Скандинавии иностранными рабочими. Еще за полтора столетия до них в Данию в качестве сельскохозяйственных рабочих прибыли так называемые «картофельные немцы». Их появление было обусловлено широким внедрением в сельское хозяйство Дании новой культуры — картофеля, уже освоенной в лежащих южнее странах Европы. Когда при датско-норвежском короле Фредерике V (1746—1766) правительство возглавил немец Юхан-Хартвиг-Эрнст Бернсторф, он для исполнения своих замыслов привлек немцев. Бернсторф, во-первых, пригласил в Копенгаген немецких чиновников и ученых, во-вторых, около 1760 г. им было выписано значительное число немецких крестьянских семей из Пфальца, Дармштадта и Вюртемберга для осушения болот в средней Ютландии, между городами Выборгом и Орхусом, и выращивания там картофеля. Лишь через 16 лет большинство этих семей вернулось на родину¹, а оставшиеся растворились впоследствии в датской среде.

В последнюю четверть XIX в. в экономике Скандинавии наблюдались кризисные явления, связанные с быстрым развитием капиталистических отношений, в частности с переориентацией сельского хозяйства на товарное животноводство и с внедрением в Дании и южной Швеции технических культур, таких, как сахарная свекла. И в то время как многие скандинавы из разорившихся крестьянских хозяйств не находили себе постоянной работы на родине и массами эмигрировали в США, в самой Скандинавии возник спрос на сезонных рабочих и развилась миграция батраков, преимущественно женщин.

Эмиграция коснулась главным образом южных районов каждой из скандинавских стран. А в Дании этими районами оказались прежде всего островные, особенно острова Лоланн, Фальстер и Борнхольм. С пер-

¹ Н. Kyrrе. Kartoffelens Kronike. København, 1938.

вых двух эмигрировало 13,8% местных жителей, с Борнхольма — 13,9%, а из западной Ютландии — около 4% ².

Поэтому острее всего потребовалась сезонная рабочая сила на полях при сахарных заводах именно на Лоланне, Фальстере и Борнхольме, куда с 1874 г. сахарозаводчики стали на каждое лето нанимать батрачек из Швеции. В 1893 г. были резко увеличены площади под сахарной свеклой. Но к этому времени в Швеции тоже началось выращивание сахарной свеклы и возник спрос на батрачек из лесных деревень, где их ранее нанимали датские вербовщики. Поэтому сахарозаводчики Дании прибегли к той системе найма более дешевой рабочей силы, которую практиковали в Германии местные работодатели, и с помощью немецких же вербовщиков стали доставлять батрачек из польских земель Германии, Австро-Венгрии и России ³. Это впервые произошло в 1893 г. ⁴, но до 1906 г. на датских свекольных полях продолжали трудиться и шведские батрачки ⁵.

Среди этой дешевой рабочей силы были не только женщины. Примерно шестую часть завербованных составляли мужчины. Их было мало потому, что безработные мужчины, не имевшие квалификации, все же предпочитали более высокую оплату, вербуясь на другие, физически самые тяжелые, работы.

Так, Г. Неллеманн, обследовавший в 1963—1973 гг. с группами студентов Копенгагенского университета польское меньшинство в Дании ⁶, указывает на одного старого поляка, который до приезда на сахарные плантации на Лоланне был подручным на прядильной фабрике, затем землекопом на Кильском канале, потом забойщиком в шахте ⁷. Подсчитано, что 37% поляков, прежде чем попасть на работу в Данию, сезонно трудились в Германии, а некоторые также во Франции или в Швеции ⁸.

Когда в начале XX в. в Данию стало прибывать по несколько тысяч поляков за сезон, в стране был принят в 1908 г. закон № 229, именуемый в быту «польским законом». Закон предусматривал обязательное заключение непосредственно между работодателем (а не вербовщиком) и самим рабочим трудового соглашения, причем требовал аутентичного текста на датском языке и языке рабочего. В соглашении оговаривались срок сезонной работы и все ее условия (содержание, нормы, ведение расчетной книжки, конкретные нормы жилищных условий, социальное страхование и т. д.) ⁹.

² H. Petersen. Polakker og fremmedarbejdere.— «Vestkystens Kronik», Esbjerg, 1972, 30 oktober, kol. 3.

³ G. Nellemann. Nationalitåten in Dånemark, mit besonderer Rücksicht auf Polen. Békéscsaba, Ungarn, 1975, S. 3, 4. Датский этнограф Г. Неллеманн — автор почти всех известных научных разработок по «свекольным полякам» в Дании. Далее мы будем ссылаться преимущественно на его работы.

⁴ G. Nellemann. Указ. раб., с. 3; *его же*. Polske indvandrere i Danmark.— «Socialt tidsskrift». København, 1965, № 8, s. 201; *его же*. Den polske indvandring til Lolland — Falster. Maribo, 1967, s. 18; *его же*. Polska emigracja zarobkowa w Danii od R. 1893.— «Przegląd Zachodni», 1973, № 1, s. 41, 42, 45. Г. Неллеманн называет и другую дату появления в Дании польских батрачек — 1884 г. (G. Nellemann. Polak-Polak rak rak rak.— «Minoritetsproblemer i Danmark». København, 1975, s. 30), и эту же дату заимствовал у него в своей рецензии на весь указанный сборник Ф. Корцен (F. Korzen. Danmark består ikke kun af danskere. Ny bog om de gamle mindretal.— «Politiken», København, 1975, 29 april). Полагаю, что правильной следует считать дату 1893 г.

⁵ G. Nellemann. Roepolakkerne og deres efterkommere.— «Jordens folk», København, 1970, s. 319; *его же*. Nationalitåten..., S. 3.

⁶ G. Nellemann. Nationalitåten..., S. 5.

⁷ G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne. København, 1965, kol. 2.

⁸ G. Nellemann. The introduction of the sugar beet as a cash crop in Denmark and the immigration of Polish rural workers.— «Anthropologica», n. s., vol. XII, № 1, 1970, p. 51.

⁹ H. Petersen. Указ. раб., стб. 4; O. Hammer. De nye danskere. Om udenlandske arbejdere i Danmark. Hvidovre, 1976, S. 13.

Рис. 1. Польские батрачки на свекольном поле в Дании. Фото 1920-х годов (G. Nellemann. Den polske indvandring til Lolland-Falster. Maribo, 1967)

В 1912 г. был принят новый «польский закон» (№ 67), несколько дополненный по сравнению с предыдущим¹⁰.

В Германии в начале XX в. приток иностранных сезонных рабочих был колоссальным, до 600 тыс. в год. А в Дании в 1911 г. работало 10 320 польских сезонных рабочих, из них 9088 — на островах и 1232 — на п-ове Ютландия. Если проанализировать эти первые детальные статистические данные, то оказывается, что более половины живущих на датских островах поляков (4609, в том числе 3890 женщин)¹¹ работало в амте Марибо (острова Лоланн и Фальстер), а остальные — вокруг городов Престё, Свендборг, Оденсе, Хольбек, Сорё, Копенгаген, Фредериксборг и на о. Борнхольм. В процентном отношении эта тенденция расселения поляков выглядела для 1911 г. следующим образом: общее число польских сельскохозяйственных рабочих в Дании составляло 3,8% всего населения; на п-ове Ютландия — лишь 1% населения, на датских островах — 7,0%, в том числе на островах Лоланн и Фальстер — 27,8% населения¹².

Максимальный приток «свекольных поляков» отмечался в 1913 г., когда на сезонные работы в Данию их прибыло 12 450 чел. (9478 — из австро-венгерской, 2869 — из российской и 103 — из германской областей расселения польского народа)¹³. Этими иммигрантами были преимущественно девушки: 56% — в возрасте от 16 до 20 лет, 24% — старше 20 лет и 20% — даже моложе 16 лет¹⁴.

Вспыхнувшая 1 августа 1914 г. первая мировая война помешала части поляков вернуться из Дании в свои родные села, особенно в Россию.

Однако война не прервала миграций поляков между австро-венгерской и германской частями Польши и Данией, хотя и сократила их. В 1915 г. в Данию прибыло из германских областей 2000 польских сезон-

¹⁰ G. Nellemann. Den polske indvandring til Lolland-Falster, s. 24, 25; его же. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 3.

¹¹ H. Petersen. Указ. паб., стб. 3.

¹² G. Nellemann. Den polske indvandring til Lolland-Falster, s. 8.

¹³ G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 4.

¹⁴ G. Nellemann. The introduction of the sugar beet ..., p. 51.

ных рабочих, в 1917 г. — 400; в 1918 и 1919 гг. не приехало ни одного поляка. А затем до мирового кризиса 1929 г. кривая миграции изменилась: в 1921 г. прибывает 334 польских сезонных рабочих, в 1923—100, в 1925—1696, в 1927—348, в 1929 г.—465¹⁵. После 1929 г. приток сезонных рабочих-поляков в Данию полностью прекратился.

Возникает вопрос, удовлетворял ли этот уменьшающийся приток спрос датского хозяйства. Исследования Г. Неллеманна показали, что в годы первой мировой войны и после нее большинство поляков уже не возвращалось в свои родные деревни, а оставалось в Дании. Например, в 1919 г. там жило около 8000 поляков¹⁶, в 1921—7568¹⁷, в 1923 г.—3300. Среди последних насчитывалось 503 сезонных рабочих, 900 хусманнов (мелких крестьян), 829 жен хусманнов, 210 батраков, 660 служанок в богатых датских крестьянских хозяйствах и доярок, 49 рабочих кирпичного завода и 149 работающих на других предприятиях. В общем большинство поляков, приехавших в Данию, стали ее постоянными жителями¹⁸.

После 1929 г. официальная статистика показывает постепенное уменьшение числа поляков в Дании. В 1930 г. там жило 5242 чел., которые открыто называли себя поляками, через десять лет—4885 (1540 мужчин и 3345 женщин). Расселились они к 1940 г. так: п-ов Ютландия — 958, о. Фюн — 354, о. Зеландия (вокруг Престё, Сорё, Хольбека и Копенгагена) — 2200, на о-вах Лоланн и Фальстер — 1298, на о. Борнхольм — 55¹⁹.

Конечно же, когда на чужой земле оседает этническое меньшинство, особенно если оно разбросано группами среди однородного этнического большинства, то необходимы интеграционные факторы, если это меньшинство хочет сохранить свой этнос. Для поляков такими интеграционными факторами были в первую очередь собственное этническое самосознание, общий язык, даже если в большинстве своем они были неграмотны или малограмотны; общее вероисповедание, в данном случае католичество. «Польское» и «католическое» в период между мировыми войнами были синонимами в Дании. И если в каком-нибудь провинциальном датском городе оказывался костел, то все знали, что здесь в округе жили или живут поляки²⁰.

Важное значение для сохранения этноса и создания моноэтнических семей имеет достаточное количество женщин как главных передатчиц родного языка и этнического самосознания рождающемуся поколению. Даже в 1940 г. в польском населении Дании сохранялось значительное преобладание женщин над мужчинами (7 : 3). Отмечалось, что поляки стремились создать польские же семьи. Католическая конфессия поляков дополнительно цементировала их землячество, которое тем самым отличалось не только языком, антропонимом, отчасти антропологическими особенностями, но и религией от датчан-протестантов.

У поляков в Дании оказались также и инициаторы организации национальной культурной жизни, открывающей возможности многократных встреч, помимо работы и семьи, внутри и вне каждой из земляческих групп. В 1918 г. этими инициаторами организации культурной жизни пытались стать два польских эмигранта в Копенгагене, которые по своему социальному положению вовсе не были связаны с работой в поле или на заводе. Один из них — Ян Мечислав Дропиовский, в прошлом землевладелец из Галиции (Австро-Венгрия), другой — Якуб Ковальчик, жур-

¹⁵ G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 5, 6.

¹⁶ Там же, стб. 6.

¹⁷ G. Nellemann. Polska emigracja zarobkowa w Danii ..., s. 42.

¹⁸ G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 6.

¹⁹ G. Nellemann. Den polske indvandring til Lolland-Falster, s. 6; *его же*. Polska emigracja zarobkowa w Danii ..., s. 42.

²⁰ G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 5.

налист, до приезда в Данию работавший редактором польской эмигрантской газеты в Чикаго (США). На деньг первого и при руководящем участии второго 5—10 июня 1918 г. был выпущен первый номер еженедельника «Поляк в Дании», в котором сообщалось, что основан Скандинавский союз католических поляков (ССКП) во главе с его председателем Дропиовским. «Поляк в Дании» утверждал, что ССКП имеет 17 своих отделений, из них 16 в Дании и одно в Швеции (в Стуре Маркие в Сконе). Выступая под лозунгами католицизма, антисоциализма и антисемитизма, эти самозванцы объявили о своем намерении объединить всех поляков-католиков в Скандинавии, заботиться об их просвещении через школы, в которых преподавались бы католическая вера и польский язык.

До 27 июня 1919 г. вышел 51 номер еженедельника, после чего оба авантюриста исчезли из Дании, а с ними затерялись и следы их эфемерной деятельности²¹.

Первая жизнеспособная организация польского меньшинства — Союз польских трудящихся Дании (СПТД) — возникла в 1925 г. в амте Марибо. Решающую роль в ее растущей популярности сыграло распространение сведений о жизни в Польше, ставшей в 1918 г. суверенным государством.

СПТД выступал с программой организации культурной жизни и создания польских школ. В течение 1930-х годов в Дании возникли 22 отделения СПТД, «во всяком случае на бумаге»²², а с апреля 1933 до мая 1939 г. было выпущено 34 номера иллюстрированного журнала «Шоляки в Дании».

В отличие от еженедельника «Поляк в Дании», этот журнал не касался острых политических проблем и не имел постоянной церковной рубрики. Начальные школы с преподаванием на польском языке стали возникать с конца 1920-х годов, сначала в амте Марибо, затем в Копенгагене, Ниво и Хадерслеве (в южной Ютландии, где среди датского большинства живет и коренное немецкое меньшинство); но планы создания центральной польскоязычной средней школы так и не были реализованы. Серьезным конкурентом польских общеобразовательных школ были частные католические школы сестер-монахинь святого Иозефа²³ с преподаванием на латинском и польском языках.

В 1930-х годах половина полек была замужем за датчанами. К тому же опрос показал, что только 18,2% опрошенных польских мужчин и 6,9% опрошенных полек посылали своих детей в польскую школу. А если учесть при этом, что абсолютная численность польских школьников в Дании была неустойчивой, от 66 в 1936/37 учебном году до 14 в 1941/42 на всю страну (в среднем 50 на время с 1928 до 1942 г.), то станет понятным, почему в 1942 г. польские учителя из-за малочисленности учащихся и потери работы покинули Данию и польские школы здесь закрылись.

Когда же уже после второй мировой войны, в 1946—1949 гг., в г. Накскове на о. Лоланн вновь появился один польский учитель, то школьное образование не получило прежнего размаха (впрочем, и тогда скромного) и поддержки. Ибо новое, третье поколение поляков в Дании, после того как их родители из второго поколения утратили тот интерес к польским традициям, который был у иммигрантов первого поколения, также не проявило особого желания учиться по-польски. Последняя попытка открыть класс для польских детей на Лоланне, параллельно в Марибо и в Накскове была предпринята в 1959 г., но сорвалась из-за слишком слабой посещаемости и без того ненаполненных классов²⁴.

²¹ G. Nellemann. Den polske indvandring til Lolland-Falster, s. 56, 57, 66, 67.

²² Там же, с. 58—60, 67, 68.

²³ Там же, с. 60, 62, 64.

²⁴ Там же, с. 62, 64, 65.

Рис. 2. Польский народный танец на фестивале польского землячества в Копенгагене. Фото 1960-х годов («Socialt tidsskrift». København, 1965, № 8, s. 209)

И все же для поддержания польского самосознания у землячества остались еще два эффективных фактора воздействия: католическая церковь и кружки народной художественной самодеятельности. Согласно католической статистике, в 1956 г. римско-католическую веру исповедовали 2683 поляка, что составляло 19,6% общего числа католиков в Дании²⁵. В проводимых в соответствии с польскими католическими традициями венчаниях и свадьбах участвовали польские соседи, а пожилые пары при отсутствии родителей у одной или обеих брачующихся сторон играли роль родителей²⁶. Довольно многочисленные кружки (хоровые и хореографические), продолжающие действовать и организовывать фольклорные фестивали, способствуют сохранению польского языка, польских хореографических народных традиций и польской народной праздничной одежды.

Материалы массового анкетирования первого и второго поколений поляков в Дании, проведенного Г. Неллеманном в 1963—1973 гг.²⁷, позволяют сделать следующие выводы.

Среди польских сезонных сельскохозяйственных рабочих, оставшихся на жительство в Дании и образовавших здесь польское этническое меньшинство, 71% составили дети бедных крестьян, 11% — дети батраков. Только 32 из 719 интервьюированных поляков первого поколения имели какое-либо профессиональное образование.

До прибытия в Данию поляки не жили все вместе в одной деревне или хотя бы в соседних деревнях, а приезжали из разных местностей трех различных государств; в Дании они были разбросаны по всей стране. Поэтому их объединения лишь с известной долей условности можно называть землячествами и, как справедливо отмечает Г. Неллеманн, «по ним нельзя в Дании изучать польскую деревню»²⁸.

Из первого поколения польских переселенцев две трети были женского пола. Все поляки, кроме двух, женились в Дании на польках. Остальные польки вышли замуж за датчан или остались незамужними.

²⁵ Там же, с. 80; G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 6.

²⁶ G. Nellemann. Den polske indvandring til Lolland-Falster, s. 55.

²⁷ G. Nellemann. Nationaliteten ..., S. 6, 10.

²⁸ Там же, с. 4.

95% прибывших в Данию поляков были католиками, причем 65% — активистами при церквях, 26% польских иммигрантов были неграмотны (из них 20% из Австро-Венгрии и 53% из России). Ко времени анкетирования 27% польских иммигрантов добились в Дании положения землевладельца, а 75% имели собственный дом. 40% поляков разговаривали дома по-польски. 36% поляков указали при анкетировании, что испытывали дискриминацию со стороны датчан, особенно датских детей или сослуживцев-датчан.

Насколько «польскими» были поляки первого поколения спустя 50 лет после переселения в Данию, показало упомянутое анкетирование. Польско-польские крестьянские семьи остались польскими, а польско-датские рабочие семьи большей частью стали датскими. Оказалось, что активные католики не ассимилировались, разговаривают дома по-польски и принимают живейшее участие в работе разного рода польских культурных кружков. В процентном отношении процесс ассимиляции всей массы этнического меньшинства можно представить следующим образом: 7% не ассимилируются, 26% ассимилировались частично и 67% ассимилировались, но помнят о своем польском происхождении.

Применяя критерий, кто в большей степени поляк по своему сознанию и далее — по убывающей, датские этнографы показали следующий характерный ряд: польки замужем за поляками-крестьянами; польки замужем «за поляками вообще» (исследователи не раскрыли понятия); польки замужем за поляками-рабочими; неженатые поляки; польки замужем за датчанами-крестьянами; польки замужем «за датчанами вообще» (исследователи не раскрыли понятия); польки замужем за датчанами-рабочими (а имеющие детей становятся датчанками).

Полякам второго поколения анкеты для ответов были посланы по почте. Из 2400 предполагаемых поляков этого поколения 1900 подтвердили, что они дети польских иммигрантов, причем 1350, т. е. 70% из них, полностью заполнили анкету²⁹. Второе поколение в целом не ассимилировалось. У него осталось более низкое школьное и профессиональное образование, чем в среднем у датчан. Однако, когда поляки отвечают на вопрос «Рабочий, служащий или глава хозяйства?», поразительно многие пишут: «Глава хозяйства». Это связывают с тем, что недостаточный уровень образования не дал возможности занять место служащего, но не помешал стать фермером.

25% мужчин имеют профессиональное образование, 61% — без специального образования; у женщин — соответственно 17 и 73%. В смешанных польско-датских семьях образованию дочерей уделяют больше внимания, чем в польско-польских.

Показательна для второго поколения приведенная нами сравнительная таблица приверженности католической обрядности, понимаемой в Дании в отношении поляков и как синоним приверженности польским обычаям.

Убывающее польское самосознание во втором и третьем поколениях в общем аналогично эволюции первого поколения, с той лишь разницей, что здесь сильнее, чем там, влияет фактор происхождения (из польско-польской или смешанной семьи). А общая характеристика второго поколения, по мнению Г. Неллеманна, такова: «Женщины в большей степени проявляют польские традиции в церковном и домашнем поведении, мужчины же — в языково-национальном»³⁰.

Г. Неллеманном подсчитан интересный «дискриминационный процент» и прослежены некоторые последствия воздействия дискриминации: 27% опрошенных мужчин второго поколения сообщили, что подверга-

²⁹ G. Nellesmann. Nationalitäten ..., S. 7. Этот же автор в другой работе того же (1975) года дает другую цифру — 1300 заполнивших анкету полностью (G. Nellesmann. Polak-polak ..., s. 39).

³⁰ G. Nellesmann. Nationalitäten ..., S. 9.

Сравнительная таблица католической обрядности «свекольных поляков» в Дании (2-е поколение) *

Обряд произведен в католической церкви	Происхождение родителей	
	польско-польское	датско-польское
Крещены	99%	70%
Конфирмованы	98%	56%
Обвенчаны	60%	22%
Крестили своих детей (3-е поколение)	54%	19%
Конфирмовали своих детей (3-е поколение)	36%	12%

* Выведено по: G. Nellemann. Polak—polak pak pak pak, s. 42.

ются насмешкам и другим формам дискриминации именно как поляки, а часть из них (7%, в большей мере это дети от обоих польских родителей) изменили свои легкоотличимые польские личные имена на датские. Но и среди женщин второго поколения 15% жаловались на дискриминацию. Подвергающихся дискриминационным насмешкам среди третьего поколения (польские дети со стороны их датских сверстников) не менее 49% (типа улюлюканий: «Поляк, поляк: пак-пак-пак», о которых вспоминают поляки первого поколения)³¹, а 1% страдает от грубой дискриминации³².

Г. Неллеманн считает, что и теперь наверняка имеется в Дании «польское меньшинство, хотя обычная статистика не фиксирует это меньшинство»³³. Нет надежных данных о численности этого польского меньшинства сейчас, но в 1960 г. только в амте Марибо (острова Лоланн и Фальстер) жило 977 поляков, родившихся на собственно польских землях, а всего в 1965 г. жило в Дании около 2500 «старых поляков»³⁴, как их там называют.

Нельзя сказать, что и «молодое», третье поколение поляков в Дании полностью ассимилировано. Сведения о нем еще собираются. В южной же Швеции старая польская иммиграция, о которой упоминал в 1918—1919 гг. еженедельник «Поляк в Дании», возможно, целиком ассимилировалась. Во всяком случае, никаких упоминаний в литературе о таком польском меньшинстве нам найти не удалось.

Мы рассмотрели одно «пришлое давнее» этническое меньшинство Северной Европы, которое имеет свои особые, специфические характеристики хозяйственно-бытового уклада и национальной психологии. Разная степень изученности трех поколений «свекольных поляков» ограничила возможности сравнительного анализа. Но и он позволил выявить некоторые антиассимиляционные тенденции в истории этого меньшинства, помогающие ему сохранять пока этническое лицо.

Накопление и анализ материалов о «свекольных поляках» и о других этнических меньшинствах Северной Европы, в том числе и тех, которые возникают ныне из многочисленных землячеств иностранных рабочих в Скандинавии, прибывших туда после второй мировой войны, может представить немалый интерес для раскрытия особенностей современных этнических процессов в мировом масштабе.

³¹ G. Nellemann. Polak-polak ..., s. 30, 38.

³² G. Nellemann. Nationalitäten ..., S. 10.

³³ Там же, с. 10.

³⁴ G. Nellemann. Polakkerne i roemarkerne ..., kol. 5; *его же*. Polske indvandrede i Danmark, s. 201.